

После ночи, проведенной в муках страсти, он был измотан. Твен выплеснул всю энергию, которую копил более полугода. Он и Шанайа не знали, сколько раз они это делали. В любом случае, это было дико. Для сорокалетнего дяди средних лет, страдающего болезнью сердца, такое выступление можно было назвать потрясающим.

Пока солнце в середине утра не пробилось в комнату сквозь небольшую щель в занавесках, Шанайа по-прежнему лежала на кровати и не желала вставать. Когда Твен похлопал ее по маленьким ягодицам и назвал ее ленивым червяком, она надулась и простонала: "Кто превратил Красную Шапочку в ленивого червяка?".

Когда она наконец встала и подняла одеяло, Твен обнаружил на простынях несколько красных пятен. Он также понял, почему Шанайа лежала в постели и не вставала.

Но он не удивился.

Не потому, что он считал, что Шанайа должна оставаться целомудренной и невинной. Он не удивился, потому что ему просто было все равно, девственница Шанайа или нет. Он ясно представлял себе современный мир и знал, каковы в основном девушки этого мира.

Но это не имело никакого отношения к его любви. Если бы он любил женщину, он бы просто любил ее. Он мог любить ее красоту, характер, сердце, или даже талант, голос, глаза, губы, грудь... Но он никогда бы не полюбил женщину за тонкую мембрану внутри ее влагалища.

Даже если бы он женился, он хотел жениться на этой женщине, а не на "обертке".

Поэтому было прекрасно, что Шанайа была девственницей, и не имело значения, если бы она не была девственницей. Это не повлияло бы на его чувства к этой девушке. Его также никогда не волновал такой бессмысленный вопрос, вкушала ли Шанайа запретный плод с другим мальчиком до него.

При мысли о том, что прошлой ночью он наконец-то насытился Красной Шапочкой, он почувствовал себя фантастически. Он даже не мог не облизывать и не чмокать губами, желая сказать: "Очень хорошо, очень хорошо, вкус действительно хорош!".

На Шанайе была только пара белых трусиков с кружевными краями.

Она вышла из ванной с полностью обнаженной верхней частью тела. Увидев выражение лица Твена, она удивилась и спросила, "Что ты делаешь, дядя Тони?".

Твен озорно рассмеялся, увидев идеальные изгибы ее тела и соблазнительную грудь, а также слабо различимый пейзаж за кружевными трусиками: "Красная Шапочка восхитительна...".

Услышав его слова, Шанайа подошла и расположилась между ног Твена на кровати. Ее талия медленно опустилась, когда она посмотрела на Твена своими темными глазами: "Ты хочешь позавтракать, дядя Тони? Смотри, опять голодный..." Одной рукой она нежно обнимала непослушного младшего брата Твена.

Твен вспомнил, что сегодня ему еще нужно идти на работу. Если он действительно позволит Шанайе вот так сесть, он не был уверен, хватит ли у него силы воли, чтобы не провести все утро в кровати.

"Эх... лучше забыть об этом. Мне все равно нужно ехать в Уилфорд..." Он поднял руки в знак капитуляции: "А тебе нужно готовиться к переезду... И еще одно, это действительно нормально

- переехать и быть на виду у прессы?"

Красная Шапочка наклонилась, чтобы поцеловать дядюшку Волка с добрым утром, и отпустила его.

"Мы с тобой оба публичные люди, дядя Тони. Мы давно привыкли к тому, что СМИ обращают на нас внимание. Пока они не врываются в спальню и не снимают наши занятия любовью, они могут платить за все, что захотят". Шанайа была более спокойна, чем Твейн, в своем отношении к СМИ. "И..." В этот момент она лукаво улыбнулась: "Я даже предвкушаю реакцию СМИ, когда они узнают о нашей помолвке... Это должно быть весело!".

Твейн слегка ласково похлопала ее по гладкой спине. Шанайа благоразумно отпустила его, чтобы он мог медленно сесть с кровати и одеться. Находясь вместе с такой живой и милой девушкой, он не считал свои дни скучными. Он не мог просить большего в любви.

□□□

После завтрака Шанайа отвезла Твена в Уилфорд и вернулась, чтобы подготовиться к переезду - собственно, готовиться было не к чему.

Там было всего два чемодана одежды, которые можно было просто положить в багажник машины для переезда.

Твен в одиночестве вошел на еще пустую тренировочную площадку. Команда начинала тренировку в десять часов, и он пришел немного раньше.

Три стандартные тренировочные площадки размером с футбольный стадион были соединены вместе. С первого взгляда открывался беспрепятственный вид на зелень, что заставило его почувствовать себя беззаботным и расслабленным. Он не мог не сделать глубокий вдох, жадно вдыхая знакомые запахи этого места.

Только вернувшись сюда, он почувствовал, что силы его тела не исчезли. Голос манил его, говоря, что это дом его души.

Ступив на дерн, за которым тщательно ухаживали рабочие, Твен сделал небольшую разминку, а затем засунул руки в карманы брюк. Он нащупал лист бумаги - точнее, конверт.

Затем он вспомнил, что вчера Аллан Адамс передал ему письмо и сказал, что Рибери отдал его ему, чтобы он передал его ему, когда уедет.

Хотя он уже уехал и вчерашнее время прошло, они все-таки общались друг с другом в течение четырех лет. Твену все еще было любопытно, что за парень уехал в погоне за деньгами и что он написал в письме.

Он вытащил его и открыл.

Из него вытряхнули тонкий лист бумаги.

"Дорогой босс,

Мне очень жаль, что я решил покинуть "Ноттингем Форест" в такое время. Меня не волнует, что они упрекают меня как дезертира. Мне также неважно, что обо мне думают другие. Я просто хочу извиниться перед вами... Вы можете презирать мои действия. Я могу только

сказать, что ради моей семьи Испания подходит больше, чем здесь.

Конечно, я пишу так много не для того, чтобы оправдать свои поступки. Хоть один игрок когда-нибудь писал менеджеру, чтобы объяснить причины, по которым он покинул команду? Так что это не объяснение. Я просто хочу поблагодарить вас. Франк Рибери не дурак. Кто дал ему шанс в самый низкий период его жизни? Я очень хорошо помню.

Я многому научился и многое приобрел за четыре с половиной сезона в "Ноттингем Форест". Это будет ценным подспорьем в моем жизненном опыте. Теперь я должен с сожалением сказать, что отправляюсь в новое путешествие. Я не знаю, будет ли у меня шанс играть под вашим руководством, босс. Но это были фантастические четыре с половиной года.

Мне всегда не хотелось говорить об этом. Но объективно, мой уход помог команде немного решить финансовую проблему - пятьдесят пять миллионов евро. Если бы не экономический кризис, я мог бы получить более высокую цену. Шестьдесят миллионов, восемьдесят миллионов? Я не знаю. Мы все знали, что влекло за собой второе предложение до ухода Пике. Возможно, в вашем представлении такой человек, как я, отличается от Пике. Но на самом деле это был последний гол, который я мог принести команде "Форест". Если вы все еще смотрите Ла Лигу, внимательно посмотрите на наше выступление в Эль Класико. Надеюсь, оно вас не разочарует.

Наконец, после того как я закончу писать это письмо, я полностью стану игроком мадридского "Реала". В будущем, если мы встретимся на поле, я, возможно, сделаю все возможное, чтобы победить вашу команду, как Бендтнер. Не поймите меня неправильно - я знаю, что вы можете быть немного параноиком - я просто хочу доказать, что игроки, которые выходят из "Ноттингем Форест" - лучшие где бы то ни было! Если я скажу, что собираюсь забить два гола команде "Форест" в одиночку, скажете ли вы: "Я верю, что он это сделает, потому что у него есть такая способность"?

Искренне ваш, Франк Рибери, которого вы забрали из Ligue 2".

Твен стоял на тренировочной площадке в оцепенении и позволял прохладному ветерку, дующему с реки Трент, проноситься мимо него, трепля письмо в руке.

Через некоторое время он вздохнул и вышел из задумчивости. Он хотел достать зажигалку, чтобы сжечь письмо. Но когда он потянулся в пустой карман, то вспомнил, что уже давно бросил курить, поэтому ему, естественно, не нужно было носить с собой зажигалку.

Он сложил письмо обратно в конверт и медленно разорвал его на две половины, четыре части, восемь частей... пока оно не превратилось в бесчисленные обломки. Взмах его руки - и письмо унесло ветром.

Забить два гола в одиночку?

Если ты посмеешь так сказать, я преподам тебе тот же урок, что и Бендтнеру, Франк!

Ты хочешь убежать вот так? Не так-то просто. В следующий раз, когда мы встретимся, будь готов принять мой гнев! Ты ублюдок!

□□□

Твен снова стоял в стороне в солнцезащитных очках на утренней тренировке, как и до болезни.

Моральный дух команды также, казалось, внезапно восстановился, как это было раньше. Джордж Вуд стал еще более энергичным. Состояние команды постепенно улучшалось, и Твен подумал о другом. Люди здесь могли слышать об этом, но они скорее всего отнеслись бы к этому как к бессмысленным домыслам СМИ.

Незадолго до начала тренировки к нему пришел Аллан Адамс и рассказал, что из-за плохих результатов команды в сезоне их доходы резко упали, и они закончили сезон с пустыми руками. Бюджет на следующий сезон был ограничен во всех областях. Поэтому летом команде пришлось продать некоторых игроков в обмен на деньги. Твен мог выйти на трансферный рынок, чтобы купить новых игроков, но цена была сильно ограничена.

Аллан надеялся, что Твен сможет составить для него список "чисток", чтобы помочь ему определить бюджетную смету на новый сезон.

В настоящее время все игроки, которые могли остаться или уйти из команды, находившейся у него перед глазами, уместились на листе формата А4.

На этот раз Твен не стал устраивать большую сцену с Алланом в офисе и горячо возражать против того, чтобы клуб продавал людей. Он просто кивнул и согласился. Больше он ничего не сказал.

Он понял, что такова реальность.

А что это была за реальность? В том, что людям нужно было есть, жить своей жизнью, выживать и жить дальше. То же самое касалось и клуба...

Кто из этих людей мог в итоге остаться в Уилфорде?

Твен начал строить планы в уме.

□□□

После окончания обучения Твен забрал Данна и уехал в Северный Уилфорд. Данн не был удивлен этим - он думал, что Твен собирается сам копать таланты для следующего сезона.

Но действия Твена решительно застали его врасплох.

"Йен, я закончил читать эти две записи". Твен был в кабинете Гринвуда, положил на стол два толстых журнала тренировок и сказал: "Я просмотрел их за один раз и все еще не удовлетворен".

"Приятно, что тебе нравится, Тони". Гринвуд воспринял это как подтверждение Твеном его работы. Он ответил усмешкой. Но следующие слова Твена прервали его смех.

"Почему нет третьей и четвертой книги? Его история не закончена, и я еще не видел финала. Я уже все решил". Палец Твена ткнул в журнал тренировок: "Скоро ты снова возьмешь его на обучение, Йен".

Двое других мужчин в комнате были озадачены и не понимали, что сказал Твен.

Глядя на их озадаченные выражения лиц, Твен продолжил говорить: "Я имею в виду, что собираюсь дать этому парню стажировку. Клуб займется процедурой трансфера и оформит ему студенческую визу, чтобы он мог зарегистрироваться в Китайской футбольной ассоциации в

качестве игрока... А потом пусть приезжает сюда и пишет концовку!"

"Тони!" воскликнул Данн. Его поведение можно было расценить как ляп, исходя из его обычного поведения. Но его не волновали эти детали. "Ты понимаешь, что ты делаешь?"

"Я предельно ясен, Данн. Я хочу, чтобы он пришел и тренировался под моим началом".

"Тони... Зачем тебе это? Он уже уехал. Конечно, нет никакой необходимости возвращать его обратно, не так ли? Хотя я также восхищаюсь стараниями и духом Чэня, он не является для нас удивительным молодым талантом... Я не думаю, что мы получим какую-либо выгоду от того, что потратим на него свои силы". Даже Гринвуд, который наблюдал за тренировками Чэнь Цзяня весь год, не согласился.

"Он сам должен получить что-то взамен, а наше дело - дать ему шанс или нет.

Мне кажется, что в этих двух толстых бревнах я нашел кусок грубого камня, грубого камня, в котором может быть заключен блестящий алмаз".

"Может быть, там ничего нет, и это просто камень". Данн наконец успокоился.

"В мире никогда не было стопроцентного таланта. Гений может стать посредственностью, а ничтожество может стать талантом". Я верю в свою прозорливость, Данн. Я больше верю в усилия этого мальчика. Может быть, это займет больше времени, но я думаю, что мы всегда чего-то добьемся. Для парня, который смог в течение года упорно заниматься по тренировочным стандартам Джорджа Вуда, не сдаваясь, и проделал хорошую работу, я думаю, он может преуспеть". В этот момент он посмотрел на обоих мужчин и серьезно сказал: "Это окончательное решение, Иэн, Данн. Я собираюсь дать ему шанс. Точно так же, как я дал шанс Джорджу Вуду за пределами гетто".

Данн нахмурился и сказал: "Вы знаете, какие нападки со стороны СМИ вы собираетесь спровоцировать, сделав это? Они скажут, что вы, должно быть, сумасшедший, раз возлагаете большие надежды на китайского ребенка, выбранного на шоу талантов. Другие также подумают, что вы просто увлечены рынком страны, которую он представляет...".

Твен прервал его: "Мне не нужно одобрение СМИ, чтобы делать то, что я хочу. Они могут осуждать сколько угодно. Я просто буду делать то, что мне нужно. Они не имеют права вмешиваться в мою свободу". Вот так, Йен. Когда придет мальчик, пожалуйста, дайте ему план тренировок Джорджа, и пусть он продолжает заниматься. Посмотрим, что он сможет сделать для нас, если будет упорствовать".

□□□

В Тяньцзине, Китай.

В Тяньцзиньской школе юстиции Цзингуань.

Чэнь Цзянь только что вышел из здания школы, держа в руках стопку книг и одетый в темно-синюю форму, которая ничем не отличалась от стандартной полицейской формы типа 99, за исключением того, что у него не было значка на воротнике, полицейского звания и наплечной эмблемы.

Его спутник поприветствовал его: "А Цзянь, давай позже сыграем в футбол! Ты - ядро, ты должен быть там!".

"Хорошо, я приду после того, как зайду в общежитие и положу свои вещи.

" Чэнь Цзянь не стал отказываться.

На самом деле, у него сейчас были свои заботы.

Вернувшись более чем на три месяца из Англии, он оказался совершенно не в состоянии забыть каждый день и ночь, проведенные там, и даже почувствовал, что продолжать учиться здесь уже не имеет смысла.

Несмотря на броское название, на самом деле школа была довольно средней, по стандартам профессиональной академии. Все либо отправлялись зарабатывать на жизнь после окончания учебы, либо продолжали обучение в университете. Если кто-то думал, что после поступления он сможет стать офицером полиции Китайской Народной Республики, то реальность могла его разочаровать.

На данный момент он еще не определил, где в реальности находится его будущее.

Что же касается его мечты о будущем...

Неужели оно уже попрощалось с ним?

Хотя он по-прежнему упорно занимался своими тренировками каждый день в любое свободное время - привычка, которую он выработал в Ноттингеме, - он был готов признать, что это не более чем привычка. Год тренировочной жизни произвел на него слишком глубокое впечатление, что оно почти отпечаталось в его костях. Забыть об этом через несколько месяцев было довольно трудно.

Какой смысл в этом глупом поведении? Зная, что мне не суждено осуществить мечту, к чему такое упорство? Что еще я могу сделать, если не могу стать профессиональным игроком? Поступить на работу охранником после окончания школы? Или полагаться на связи и использовать деньги, чтобы войти через черный ход и получить задание? Или продолжать сдавать экзамены для поступления в университет, пройти тесты в академиях, находящихся в непосредственном подчинении Министерства общественной безопасности, и стать настоящим полицейским после окончания университета...

Но с моей успеваемостью и задержкой из-за поездки в Британию, есть ли у меня шанс, если я сдам экзамен в таком университете?

Чэнь Цзянь чувствовал себя очень потерянным.

Когда он поехал в Англию, они были втроем, и когда он вернулся в Китай, их все еще было трое.

Неудивительно, что никто не получил "награду" - остаться в профессиональной команде. Несмотря на это, Чэнь Цзянь был довольно популярен среди учеников, которые любили футбол в школе. Его хорошие друзья всегда любили приставать к нему, надеясь услышать от него рассказ о том, что такое настоящий профессиональный футбол.

Он не отказывал этим любопытным одноклассникам. Но всякий раз, когда он говорил о событиях прошлого, шлюзы его памяти не могли закрыться. Он не хотел смириться со своей участью.

Он снова вспомнил сцену, когда в тот день шел дождь и Тони Твен накричал на него. Каждое замечание, каждое слово звенело в его ушах, и он никак не мог забыть.

"... Когда ты вернешься в Китай, ты честно собираешься вернуться к учебе, закончить университет и искать работу? А потом будешь довольствоваться тем, что иногда играешь в любительский футбол с пузом? Когда вы состаритесь, вы будете хвастаться перед своим внуком и рассказывать ему о том, как его дедушка когда-то целый год тренировался в молодежной команде чемпиона Лиги чемпионов УЕФА "Ноттингем Форест"! А если ваш внук спросит вас, что случилось после того года? Что вы ответите? Вы скажете - ах, ваш дедушка был настолько плох в командной игре, что сдался и с плачем уехал обратно в Китай....".

Я не сдался. Я также не плакал и не убегал обратно в Китай. Но это ничего не меняет, менеджер Твен. Я все еще остаюсь собой, в этой профессиональной академии, чувствуя себя потерянным в отношении своего будущего.

Вы понимаете, менеджер Твен? Можете ли вы понять мою ситуацию и настроение?

Я в полной мере оценил жестокость профессионального футбола, пережил свой собственный разрыв между ними. Но это всего лишь год... Одного года не хватило ни на что! Я очень много работал. Я мечтал о том, чтобы вместо сна отрабатывать удары головой. Почему вы дали мне только год? Почему я не мог начать регулярные тренировки с десяти лет, как игроки молодежной команды...

Ах, я хочу играть в профессиональный футбол, хочу быть тем звездным игроком, которого можно увидеть только по телевизору.

Я даже верю, что через несколько лет я буду так же хорош, как они. Я смогу выстоять, какими бы тяжелыми, изнурительными и жестокими ни были тренировки. На этот раз я обещаю не сдаваться. Я буду упорствовать и буду сильным, как мое имя.

Но почему только один год...

Я только ступила на порог, а дверь уже закрыта. Что я могу сделать? Если бы у меня было много денег, я бы опустошил свои карманы, чтобы купить "Ноттингем Форест" и ничего не менять. Это было бы просто для того, чтобы дать мне шанс и дать мне больше времени...

Год назад я думал, что года достаточно, и многие люди могли бы мечтать и не обязательно имели бы время и возможности в течение года. Но теперь, год спустя, я понял, что года мне хватило только на то, чтобы получить поверхностные знания.

Что толку понимать это?

Чэнь Цзянь посмеялся над собой и вошел в общежитие.

"А Цзянь, ты вернулся? Как раз вовремя!" Его соседка по комнате вскочила с кровати и сказала: "Тебе только что кто-то звонил. Я сказал, что тебя нет дома и ты не вернулся с занятий. Он сказал, что позвонит позже".

Чэнь Цзянь был удивлен. Кто мог ему звонить? "Он сказал, кто он?"

"Он не сказал, а я забыл спросить... Ты все еще хочешь играть в футбол? Или будешь ждать звонка здесь?". Его сосед по комнате поднял затертый футбольный мяч и направил его в общежитие. "Эй, лови мяч!"

Он направил мяч в сторону головы Чэнь Цзяня. Чэнь Цзянь поднял ногу и крепко остановил падающий мяч у своих ног. Вся процедура была выполнена ловко, как будто ненамеренно.

"Молодец, А Цзянь! Ты многого добился за год в Британии!" Похвалил его сосед по комнате, и все же это расстроило Чэнь Цзяня. "Я скажу, что настоящий профессиональный футбол определенно отличается! Думаю, если бы их молодежная команда играла непосредственно в китайской Суперлиге, они бы точно стали двукратными победителями? Но если бы молодежная команда "Арсенала" приехала, я думаю, они все равно могли бы занять второе место!

Так-так, я тоже хочу в Англию... Хотя это всего один год, я умру без сожаления, если мне удастся побывать на ведущем мировом уровне!".

Чэнь Цзянь вернул ему футбольный мяч и сказал: "Разве мы не играем в футбол? Пойдем."

"Ты не ждешь звонка?" Его сосед по комнате указал на телефон.

"Не собираюсь ждать. Это, наверное, чтобы пригласить меня поиграть в футбол". Чэнь Цзянь положил свои книги на кровать и начал снимать школьную форму, чтобы переодеться в спортивную.

"Эй, ты стал популярным после возвращения с учебы в Англии... Тогда я пойду первым!" воскликнул его сосед по комнате и выскочил за дверь с футбольным мячом.

Пока Чэнь Цзянь надевал ботинки, телефон на столе внезапно зазвонил.

Чэнь Цзянь на мгновение уставился в пустоту, а затем подошел к телефону и снял трубку. "Алло, 705, кого вы ищете?"

"Чэнь Цзянь здесь?" раздался мужской голос.

"Это он. Могу я узнать, кто вы?" Вероятно, это был человек, который звонил ему только что.

"Я Данн. Здравствуйте, Чэнь Цзянь. К счастью, когда вы записались на это мероприятие, вы оставили свой номер телефона в общежитии. Иначе мы действительно не знаем, как с вами связаться..."

Когда мужчина назвал свое имя, Чэнь Цзянь подумал, что с его ушами что-то не так.

"Кто-то здесь хочет поговорить с вами..." Данн не стал ждать, пока Чэнь Цзянь что-нибудь скажет, и просто передал телефон другому человеку.

"Чэнь Цзянь, я Тони Твен!" В наушнике раздался голос человека, полный энергии, и он заговорил на мандаринском языке.

Чэнь Цзянь был потрясен голосом, но все же некоторое время не мог принять реальность - почему менеджер и помощник менеджера "Ноттингем Форест" позвонили именно ему?

"У меня к тебе вопрос, Чэнь Цзянь". Твен говорил так, словно разговаривал сам с собой по телефону, и совершенно не обращал внимания на то, что почувствует Чэнь Цзянь, услышав свое имя. "Ты все еще помнишь... свой первоначальный сон?"

Первоначальный сон? Как я могу забыть? Играть в футбол! Играть в профессиональный футбол, как звездные футболисты на телевидении!

"Играть в футбол и играть в профессиональный футбол". Чэнь Цзянь выпрямился и ответил.

"Очень хорошо". Твен улыбнулся и сказал: "Помнишь, что я тебе сказал? Профессиональный футбол определенно не так прост, как ты думаешь, а мечта - это не..."

"... что-то, чего можно достичь, просто разговаривая". Чэнь Цзянь и Твен произнесли вторую половину предложения вместе.

"Ха, похоже, ты не забыл. Это хорошо. Я не хочу получить обратно никчемного неудачника, который уже давно сдался и не помнит тот год."

"Я не забыл ни одного дня того года, мистер Твен".

"Хорошо, Чэнь Цзянь. Тогда слушай внимательно дальше... Для тебя дорога к твоей мечте зашла в тупик. Как ты думаешь, что преграждает путь перед тобой? Стена? Нет, нет, нет, я хочу сказать тебе сейчас, что это не стена, а гора, которая преграждает тебе путь вперед! Если ты должен осуществить свою первоначальную мечту, что ты собираешься делать, Чэнь Цзянь? Ответь мне."

Чэнь Цзянь задумался, а затем ответил тоном, предназначенным для ответа инструктору: "Прокопайтесь через нее, сэр!".

Он услышал взрыв смеха из приемника, в котором среди смеха прерывисто звучал голос Твена: "Данн, ты слышал, что он сказал? Прокопайся! Покопайся в нем! Хахаха! Ты все еще сомневаешься в моей прозорливости? Ты слышал, сколько людей ответили бы на этот вопрос? Покопайтесь в нем, покопайтесь в нем... Это лучший ответ, который я когда-либо слышал!"

Затем голос Твена снова стал ясным: "Очень хорошо, ученик Глупого Старика, Который Снимает Горы. Я даю тебе возможность покопаться в горе! Мне все равно, сколько времени ты потратишь. Короче говоря, я хочу, чтобы ты прокопал гору! Вы понимаете? Именно прокопать, а не обойти ее... Ее вообще нельзя обойти. Гора подпирает небо и является основанием. Она непрерывно тянется слева направо вокруг земли. Вы не можете ее обойти. Либо ты повернешься и пойдешь обратно, либо ты будешь копать ее для меня!"

Это последний шанс, данный вам, чтобы выбрать: А, вы можете продолжать оставаться в этой школе и принять факты; Б, покинуть это место и прийти сюда, чтобы стать глупым стариком, который сворачивает горы! Я должен напомнить вам, что как только вы выберете Б, пути назад уже не будет. Вы не сможете вернуться в школу, чтобы продолжить обучение. Ваша жизнь может кардинально измениться. Пожалуйста, хорошо подумайте, прежде чем дать мне ответ. Я оставлю вам контактные данные..."

Не успел Твен закончить, как его прервал решительный голос Чэнь Цзяня.

"Б. Я выбираю Б, мистер Твен".

Твен не ожидал, что Чэнь Цзянь даст ответ так скоро. Он был несколько ошеломлен и спросил в ответ: "Ты не хочешь все обдумать? Ты действительно не собираешься думать об этом? Все в порядке? Это касается важного поворотного момента в твоей жизни. Ты действительно не собираешься серьезно обдумать это или обсудить с родителями?"

На другом конце линии Чэнь Цзянь поднял кулак и сказал: "Мистер Твен. Это единственный путь для меня. Чтобы осуществить свою изначальную мечту, я готов заплатить такую цену".

Внезапно он не растерялся. Проблема, которая не давала ему покоя, пока он шел от здания школы, была легко разрешена!

Реальность его будущего и будущее его мечты сошлись здесь, а затем слились в одну дорогу, где она была проложена под его ногами. Когда он посмотрел вперед, то увидел мрачную и черную гору, которая простиралась от неба до земли и тянулась на тысячи миль, пока он не смог разглядеть ее края. Она холодно смотрела на него.

Неужели здесь нет пути?

Нет. Как только он прокопается сквозь гору, дорога будет ждать его на другой стороне.

И тогда он увидит совершенно новый мир, совершенно отличный от здешних перспектив. Его ничто не сможет остановить. Даже если бы путь был опасным и трудным, с высокими горами, на которые нужно было бы взобраться, реками и океанами, которые нужно было бы пересечь, он бы не позволил им остановить его бег вперед.

Крепко сжимая в руках свою изначальную мечту, как он мог сдаться на полпути к тому месту, куда хотел попасть больше всего?

Он обязательно достигнет своей изначальной мечты. Он! Придет! Непременно! Прибудет!

"Очень хорошо! Голос Твена тоже стал серьезным: "Напоминаю тебе в последний раз. Ты не являешься официальным игроком "Ноттингем Форест", даже когда приезжаешь сюда. Ты всего лишь ученик. Я не дам тебе никаких гарантий. Я не обещаю, что ты обязательно станешь профессиональным игроком и обязательно достигнешь своей первоначальной мечты. Даже не думайте сейчас о возможности играть в первой команде! Клуб не может вам ничего обещать. Заработная плата, пакет, гарантии контракта... ничего нельзя обещать. Мы не дадим тебе ничего, кроме этого шанса. Может быть, вы будете тренироваться до двадцати шести лет и сможете быть только в резервной команде, или просто будете исключены и сможете ходить в эти полупрофессиональные команды, чтобы свести концы с концами. Не стесняйся представлять себе худшие сценарии... Итак, ты все еще хочешь поехать?"

"Да!"

"Хочешь ли ты прийти, даже если поставишь на кон будущее и судьбу своей жизни?" Твен повысил голос на этот вопрос.

И Чэнь Цзянь почти прорычал ему,

"Да!!!"

"Очень хорошо, парень! Я буду ждать тебя, в Уилфорде, Ноттингем, я буду ждать тебя!"

□□□

Твен был внезапно взволнован тоном Чэнь Цзяня. Он почувствовал, что его тело пылает от страсти, и даже применил силу, когда положил трубку.

Данн был немного удивлен: "Ты просто так повесил трубку? Я хотел поговорить с ним о некоторых конкретных вещах..."

"Вы можете просто перезвонить еще раз". Твен развел руками: "Это не требует особых усилий".

Ах, Данн, меня вдруг перестал интересовать сон Чэнь Цзяня... Я просто хочу посмотреть на его выступление на этой дороге. Что касается цели... она стала комплиментарной".

"Ты действительно веришь, что он сможет это сделать? Боюсь, что больше людей просто посмеются над ним за переоценку его возможностей".

Твен фыркнул и вернулся к прежней холодной манере: "Каждый в этом мире, кто чувствует себя "более ясно мыслящим", чем другие, достиг того момента, когда так называемый мудрый человек стоит десятку, а мудрецы есть везде. Но я считаю, что лучше иметь больше глупых стариков. Потому что с какими бы трудностями ни столкнулись мудрецы, они всегда будут качать головой и говорить, что это невозможно, что это не сработает. Но глупцы будут готовы проделать тяжелую работу и стараться до конца. Возможно, путь в темноте может привести к рассвету? Если он, Чэнь Цзянь, осмелится поставить на карту будущее своей жизни, чтобы прийти сюда и рыться в горах, то я осмелюсь сопровождать его до конца! Если кто-то хочет насмехаться, то пусть насмехается, и посмотрим, кто будет смеяться последним!"

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2071263>